

— Благодарю, управляющий Чжэн. Доброй ночи.

С появлением огнива в комнате вновь стало светло. Пока длилась вся эта суматоха, наступил час Собаки, а Цэнь Сяолу всё не возвращался. Чан Я прилёг на кровать, оставив свечу гореть на столе.

Ночь сгустилась. В ветвях старого дерева во дворе хрипло каркнул ворон. Внезапно пламя свечи дрогнуло и погасло, оставив в воздухе лишь тонкую струйку седого дыма. Тень скользнула мимо окна, дверь тихо скрипнула, отворяясь. Чан Я, погружённый в глубокий сон, беспокойно перевернулся на бок, не ведая, что кто-то незримый медленно приближается к нему.

Незванный гость попытался установить связь с сознанием спящего. Как он и ожидал, возник резонанс. Обладатели схожих сил способны чувствовать друг друга, но не могут легко сокрушить чужую защиту. Он ощутил, что способности Чан Я велики — ментальная энергия юноши была до предела стабильной, а эмоции оставались безмятежными.

«Хм, почти ровня молодому господину».

Сокрушить такую волю было невозможно, но слегка подтолкнуть — вполне. Гость сосредоточился, направляя невидимую силу. Черты лица Чан Я, прежде расслабленные, исказились; он мучительно нахмурился, а на бледном лице проступили страх и страдание.

Удовлетворённый результатом, пришелец открыл глаза и тонко, хищно усмехнулся.

Глубокой ночью дверь снова отворилась. Цэнь Сяолу, принёсший с собой запах сырости и ночной прохлады, наконец вернулся. Стараясь не шуметь, он скинул верхнее платье и сапоги, после чего осторожно прилёг на край кровати рядом с Чан Я.

— Нет... я не... — донеслось прерывистое бормотание.

Почуввав неладное, Сяолу приподнялся и перевернул спутника к себе. Лицо Чан Я было мертвенно-бледным, лоб блестел от капель холодного пота, а сам он без конца шептал что-то невнятное.

— Чан Я, — негромко позвал Сяолу.

Юноша явно метался в когтях кошмара, не в силах вырваться из плена собственного разума.

Сяолу окликнул его ещё несколько раз; бормотание затихло, и его лицо немного разгладилось, хотя сознание к лекарю так и не вернулось.

Сяолу осторожно убрал со лба Чан Я влажные от пота пряди. Спустившись с кровати, он смочил полотенце в тазу, вернулся и бережно стёр испарину. Успокоившись, Чан Я, инстинктивно ища тепла, прижался к Цэнь Сяолу, обхватив его руку.

Сяолу не стал отстраняться. Убедившись, что дыхание юноши выровнялось и опасность миновала, он наконец закрыл глаза.

Утро не принесло облегчения. Чан Я чувствовал себя так, словно и вовсе не ложился: в голове стоял тяжёлый гул. Ночью он снова провалился в тот старый кошмар, преследовавший его с детства. Тьма, бескрайняя пропасть, и лишь крохотный островок земли под ногами, с которого он вот-вот соскользнёт в жадную пасть бездны...

— Проснулся? — Голос Цэнь Сяолу оборвал гнетущие мысли.

Чан Я тряхнул головой, отгоняя наваждение. Сяолу стоял в дверях, уже полностью одетый, с парой свежих маньтоу в руках.

— Когда ты вернулся?

— Ночью. — Сяолу завернул лепешки и убрал их в дорожный мешок. — Ты уже спал.

О ночном инциденте он предпочёл умолчать.

— А-а... — Чан Я в замешательстве поскреб в затылке. — Я хотел тебя дождаться, но, видно, незаметно провалился в сон.

— Ничего. Сегодня ворота храма Танби открыты. Собирайся, мы выступаем.

Узнав, что гости собираются в путь, управляющий Чжэн распорядился подготовить экипаж. Поблагодарив его, молодые люди отправились к храму; Цэнь Сяолу сам взялся править лошадьми.

Чан Я высунул голову из кареты:

— Всё не было случая спросить. Ты ведь вчера возвращался к дедушке... Что он сказал?

Сяолу, уверенно держа вожжи, ответил:

— У наставника свои планы. Он велел нам заниматься своим делом и не медлить в пути.

— И это всё? — Чан Я недоверчиво прищурился. — Дедушка больше ничего не добавил? Например, не сказал ли он, что это за «барьер» в море духа юной мисс Шуй?

— Мне это неизвестно.

— Ну и ладно. — Чан Я показал спине Сяолу язык и шутливо погрозил кулаком пустоте. — Кстати, после твоего ухода здесь тоже кое-что произошло.

— Что именно?

Чан Я в подробностях пересказал вчерашнюю встречу с господином Шуем.

Сяолу надолго погрузился в раздумья.

— Странно, правда? — допытывался Чан Я. — Слова господина Шуя — точно иглы в вате, слушать неприятно. И отношения у них с супругой какие-то натянутые. Не похожи они на ту идеальную пару, о которой судачат в округе. Скорее, между ними пролегла глубокая пропасть.

— Возможно, у них есть свои тайны, — коротко отозвался Сяолу.

— Может быть. — Чан Я посмотрел на небо. — Надеюсь, сегодняшний визит в храм Танби прольёт свет на это дело.

Лошади остановились. Храм Танби оказался небольшим: жёлтые стены, багряная черепица, а перед входом — огромная курильница в два человеческих роста. Из неё поднимался густой, тяжёлый дух благовоний; в самом центре догорала исполинская сандаловая палочка толщиной с детскую руку.

— Пойдём.

Юноши переступили порог через боковую дверь, следуя монастырскому уставу. В главном зале, где высились позолоченные статуи божеств, люди чинно выстроились в очередь, ожидая возможности преклонить колени на циновках для молитвы.

— Молодые люди, не желаете ли узнать судьбу? — Дорогу им внезапно преградила пожилая

женщина.

— Благодарим, не стоит, — вежливо отказался Чан Я. У них были дела поважнее гаданий.

— Ох, милоч, не торопись, — не отступала та. — Вижу, сердце у тебя доброе, весь мир готов вместить... Да только над головой твоей алый всполох дрожит, едва приметный. Это знак: ждёт тебя впереди преграда, что весь путь жизненный перегородит. Почему бы не вытянуть жребий? Наш мастер творит чудеса, всё как по писаному выйдет.

— Я не собираюсь становиться чиновником, так что преграды на службе меня не пугают, — улыбнулся Чан Я. Его мечтой было унаследовать клинику деда, а не дворцовые интриги.

— Да я же не про чины! — Женщина многозначительно прищурилась. — У тебя великое будущее, судьба метит высоко. Вытяни знак, не пожалеешь.

— Пожалуй, всё же откажусь, — Чан Я в замешательстве глянул на Цэнь Сяолу, ища поддержки.

— Ну, если судьба не мила, спроси про суженого, — торговка сменила тактику. — Неужто не любо знать, кто тебе предначертан? Быть может, судьба твоя совсем рядом... а может, за краем света.

Чан Я густо покраснел. В его-то годы думать о женитьбе! Придёт время — дедушка сам всё устроит.

— А кто именно толкует знаки? — наконец вмешался Цэнь Сяолу, до этого с интересом наблюдавший за сценой.

— Мастер Нихуэй, — ответила женщина.

— Нихуэй? — Сяолу посерьёзnel. — Тот самый Полубессмертный монах-послушник, о котором твердит вся округа?

— Он самый. Мастер странствует по миру точно вольный журавль, недавно вот решил почтить наш храм своим присутствием. Каждый полдень он ведёт чтение сутр. Народу тьма приходит, лишь бы слово его услышать. Вам, почитай, само небо встречу устроило — Мастер скоро снова в путь отправится, а гадает он редко. Ступайте же, вдруг приглянетесь ему.

О Мастере Нихуэе ходили легенды. Станный муж, избравший свой путь: в храмах не живёт, волос не бреет, обетов не блюдет. Говорили, сам Император трижды звал его к двору, но получил отказ. «Полубессмертным» его прозвали за то, что время, казалось, не имело над ним власти — сменялись поколения, переписывались летописи, а имя Мастера всё так же гремело в поднебесной.

— Что ж, — произнёс Сяолу, — этот жребий мы вытянем.

— Подождите здесь, Мастер ещё читает сутры, — прошептала женщина, подводя их к дверям малого зала.

Чан Я вертел в руках деревянную плашку с иероглифом «Высшее благо».

— Кто знает, настоящий ли он, — шепнул он спутнику. — Небось, наплетет сейчас с три короба.

— Если не верить Полубессмертному, то кому верить? — отозвался Сяолу. — Вдруг он знает что-то о мисс Шуй. Лишним не будет.

— Откуда бы ему знать о ней? — не понял лекарь.

— Она часто бывает здесь. А Мастер в храме уже не первый день. Посмотри, сколько людей собралось ради него. Думаешь, она упустила бы шанс встретиться с таким человеком?

— Мастер закончил. Проходите через боковую дверь.

Внутри пахло старым деревом и сухими травами. Занавес колыхнулся, и в комнату вошёл монах с окладистой седой бородой и глазами, полными мудрого спокойствия. Обликом своим он напоминал Чан Фуляня — та же аура отчужденности от мирской суеты, недоступная простым смертным.

— Кто просит истолковать жребий? — Голос Мастера был глубоким и гулким.

— Я, Мастер. Просил открыть мою судьбу. — Чан Я протянул плашку.

Нихуэй взял её, мазнул взглядом и небрежно отложил в сторону.

— Садитесь.

Юноши опустили на циновки.

— Ты уверен, что не ошибся, вытягивая этот знак? — спросил монах, в упор глядя на Чан Я.

— В каком смысле? — Лекарь нахмурился. Если и была ошибка, то в самой гадальной чаше.

— Для дел сердечных это и впрямь «Высшее благо», — медленно проговорил Нихуэй, поглаживая бороду. — Но если смотреть на твою судьбу... я бы назвал это лишь средним жребием.

— Вот как? — Чан Я выдохнул. Раз не «хуже некуда», то и ладно. — И что же он сулит?

— Невозможно предсказать, — Мастер таинственно качнул головой.

Друзья переглянулись, храня молчание.

— Невозможно — потому что это твой роковой рубеж. Твоё испытание, которого не миновать. Но... — монах указал пальцем на юношу, — если найдется тот, кто решит остаться ради тебя, ты пройдешь через эту бурю. Иначе... бездна поглотит тебя.

Слова Мастера прозвучали зловеще. Чан Я ощутил холод в груди, но всё же решился спросить:

— И кто же этот человек, Мастер? Тот, кто поможет мне выстоять?

Нихуэй загадочно улыбнулся:

— Это известно лишь твоему сердцу.

«Сплошные загадки», — подумал Чан Я. Вера в святость монаха стремительно таяла. Десять гадалок из десяти пророчат «испытания» и «роковые встречи». Споткнёшься о порог — вот тебе и испытание.

— Запомни: через три года будь начеку.

— Благодарю за наставление, Мастер, — вслух ответил Чан Я, хотя в душе лишь скептически хмыкнул.

— Раз Мастер говорит, что для любви это лучший знак, почему бы не расспросить подробнее? — внезапно подал голос Цэнь Сяолу, лукаво поглядывая на друга. — Вдруг твоя Син-эр...

Чан Я в ужасе вскочил и буквально зажал Сяолу рот ладонью:

— Мастер и так занят, не будем тратить его время на чепуху!